

УДК 008: 2

Апории религиозного сознания в «русском буддизме»¹

Aparies of religion consciousness in “Russian Buddhism”

Попытка жить в своей культуре с религиозными убеждениями, заимствованными из другой культуры, порождает апории в сознании человека, и приводит к проблемам социализации. Религиозные установки буддизма не релевантны нормам русской культуры. Буддизм противоречит имманентным структурам русского самосознания, которые имеют личностную природу.

An attempt to live in one's culture with religion convictions are has borrowed from other cultures gives birth to apiaries in human being's and leads to the problem of socializing. Religious values of Buddhism are not relevant to norms of Russian culture. Buddhism contradicts to emanative structures of Russian self-consciousness which is based on personality's individual values.

Религиозные комплексы относятся к категории сложных культурных образований, заимствование которых другой культурной общностью сопряжено с большими трудностями и рисками, поскольку их конституирование осуществляется не только в форме религиозных доктрин («учений»), но в структурах повседневности. И если религиозную концепцию ещё можно транслировать (хотя здесь есть трудности перевода), то перенести жизненный мир в пределы другой культурной среды невозможно. Принимая

¹ Основные положения статьи обсуждались на семинарах академической мастерской при каф. философии Дальневосточного государственного технического ун-та (г. Владивосток) под рук. проф. С. Е. Ячина.

веру иной культуры, приходится «оставлять» прежний жизненный уклад: кровно-родственные и дружеские отношения, праздники и будни, предметы быта, физический облик, эстетические и этические нормы - каждый элемент привычного мира, с которым приучен с раннего детства входить контакт и использовать, не задумываясь. И чем сильнее заимствованная религия требует отречений от традиционного культурного уклада, тем больше жизненных вызовов приходится принимать её адептам. За внешним слоем религиозного учения скрываются анонимные жизненные мотивации, во многом обусловленные местом, климатом, историей, психо-соматической генетикой, которые в религиозном учении находят своё теологическое оправдание, понятное только той общностью, в которой оформляется данная религия. По этой причине отдельному человеку одинаково сложно как распознать и принять жизненные установки нетрадиционной религии, так и отказаться от своих традиционных культурных ориентаций. И в каком-то смысле поменять «веру» легче, чем поменять жизненный мир.

Это всё не должно приводить к мысли о некой предопределённости в вопросе свободы совести. Человек имеет полное право выйти из культурной традиции, если она не удовлетворяет его духовных запросов, но это не должно быть стихийным порывом, бездумным экспериментом, иначе этот опыт приведёт к катастрофическим последствиям - саморазрушению и распаду личности. В вопросе отказа от традиционных духовных ценностей человек должен быть предельно осмотрительным и не спешить свой внешний интерес и любознательство к религиям других культур превращать в *свою* духовную судьбу.

Этими рассуждениями мы предваряли главный предмет нашей работы, а именно феномен «русского буддизма», который мы рассматриваем как неудавшийся эксперимент перенесения буддизма на почву русской культуры. Сразу оговорим, что мы принципиально разводим понятия «российского» и «русского», что является очевидным различием далеко не для всех. В

контексте понятий «российского», буддизм вполне традиционная религия, поскольку как геополитическое образование Россия включает тувинский и бурятские буддийские округа. И преамбулой «Закона о свободе совести...» буддизм отнесен к одной из традиционных религий России и, именно таким он назван президентом России Д.А. Медведевым во время посещения им Иволгинского дацана в Бурятии. Но «российское» не подменяет всё то, что в этническом и национальном смысле обуславливает наличие «русского» мира. И жизненный уклад этого мира таков, что быть буддистом в этом мире очень не просто, так что уж лучше оставаться атеистом.

Так, последовательным буддистам нельзя есть мясной, животной пищи, нельзя убивать насекомых, нельзя заботиться о карьере и ещё большое множество мелочей, правила взаимодействия, с которыми заложены и интегрированы в «традиционных» религиях и в соответствии с которыми оформлено материальное пространство человека. Казалось бы, чего проще – можно уехать туда, где храмы, дацаны, учителя, богатая вегетарианская кухня, условия для того, чтобы следовать принципам «не-деяния». Но вот что удивительно - не едут, вернее, едут «посмотреть и помолиться», а жить возвращаются обратно, поскольку не выдерживают натиска «культурных различий», к которым невозможно подготовиться, и адаптироваться, читая сутры и произнося мантры. На наш взгляд, главное культурное различие, которое не позволяет адаптировать буддизм к «русскому» миру – это различное понимание того, что такое человек (как он должен понимать себя и жить в соответствии с этим пониманием).

Основная цель практики буддизма – освободить сознание человека от ориентации на «Я», поскольку исходное положение буддийской веры – идея «пустотности», бессодержательности «Я», которое, будучи «пустым», становится местом притяжения негативных психических аффектов, таких как эгоизм, привязанность, агрессивность, страх и прочее. «Я» есть причина всех человеческих страданий, и если освободить сознание от «Я», тогда исчезнут

два источника страдания – страх (потерять) и страсть (иметь). Но вместо элиминации ценности «Я», которым конфигурировано сознание русского человека, происходит его усиление в негативную сторону. У человека появляется страх перед социумом и страсть к экзотике. В результате рвутся фундаментальные жизненные связи, вырабатывается комплекс «перекати-поле». «Русскому буддисту» сложно выбрать сферу практической деятельности, и вместо буддийского покоя он обрекает себя на повышенную невротичность, средством избавления от которой (избираемым опять-таки бессознательно), является изменение места жительства.

В силу осознания отличия от своих соплеменников «русские буддисты» стремятся внешне выделиться из окружения, приобретая экзотические атрибуты одежды и быта. Страсть к экзотике проявляется в выборе нераспространённых в обществе форм деятельности, самой радикальной из которых является – полная бездеятельность, или отсутствие определённой деятельности или же поиск таких путей удовлетворения материальных потребностей, которые были бы свободны от ответственности, регулярности, обязательств перед кем бы то ни было. В результате, среди «русских буддистов» распространены случаи психических расстройств, аддикций (отклонений от норм социального проживания), и общая деклассированность, которая в молодости выглядит как эстетическая и этическая фронда, а в зрелом возрасте доводит человека до состояния полной или частичной люмпенизации.

Для того, чтобы стать религиозным адептом мало волюнтаристского решения: «я - буддист», нужно понимать, что вместе с ней выбирается другая культура, совершенно иной жизненный уклад, другая форма социальных отношений. По логике вещей, такому человеку надо жить в буддийских обществах. Но такое случается достаточно редко, и большинство европейских буддистов остаются жить в пределах христианских культур. Но что значит быть буддистом и жить в христианском, пусть и

секуляризированном обществе? Это значит, одновременно по-буддистски отречься от индивидуалистического плана существования, а с другой стороны находиться под давлением сообщества, где эта сама индивидуальность требуется. Попытка совместить два противоположных духовных императива мало удаётся, и рано или поздно, человек склоняется либо в сторону буддизма и тогда происходит изоляция на культурно-антропологическом уровне (буддист как бы физически живёт в обществе, но не вовлекается в общие тенденции жизни, другими словами, становится маргинальной личностью). Второй вариант – это постепенная профанация буддийского учения, редуцирование до состояния сознательной симпатии и идейного сочувствия, но без обязательной для этой религии психо-практики, без которой буддист – не буддист. Что касается некоего «срединного» варианта, то берём на себя смелость высказать убеждение, что в социо-культурном смысле он вряд ли возможен.

Буддизм учит, что человек должен очистить своё сознание от инстанции Я, христианство же исходит из того, что спасение придёт только через Я (сакраментальное – «помилуй *меня*, Господи»). Налицо – полная противоположность, которая неофитами от буддизма понимается следующим образом: Я – это источник страданий, и основное препятствие к свободе, причина всех страхов и страстей. Нужно отречься от Я – и раствориться в безличной буддовости. Но не учитывается некоторое обстоятельство, которое необходимо прояснить, поскольку, на наш взгляд именно это невыясненное обстоятельство является причиной того, почему проект буддистского просвещения на русской почве на данный момент можно уверенно обозначить как неудавшийся.

Карл-Густав Юнг предупреждал о страшных последствиях сочетания христианского воспитания и буддийского просвещения в лоне одного сознания. «Бог для нас – Господь Вселенной, у нас есть религия любви к ближнему, в наших вознесшихся ввысь церквах возвышаются *алтари*.

Индиец же говорит о дхьяне, медитации и погружении, божество пребывает внутри всех вещей и прежде всего человека. От внешнего здесь движутся к внутреннему; в старых индийских храмах алтари опущены на два-три метра ниже уровня земли; то, что мы стыдливо скрываем, то для индийца священный символ. Мы верим в деяние, индеец – в неподвижное бытие. Наша религиозная практика заключается в молитве, почитании, превознесении; главнейшим упражнением индийца является йога, погружение в состояние, которое мы назвали бы бессознательным, но которое сам он полагает состоянием наивысшего сознания».² И продолжая сравнительный ряд вслед за Юнгом добавим: если в нашем сознании наличествует инстанция Я, понимаемая как личностная структура ментальности, то в сознании йогина она отсутствует, поскольку его практики нацелены на то, чтобы элиминировать эту установку и конституировать инстанцию безличного сверх-Оно. Те из европейцев, кто ищут духовной свободы в экзотических религиях, не подозревают, что их стремления соответствовать буддийским практикам зиждутся на произвольной иллюзии, что буддийское учение говорит о том Я, которое ощущает в самом себе европеец. Но всегда ли это то «Я», которое критикуется в буддизме? Свою задачу мы видим в том, чтобы показать принципиальное контекстное различие между буддийским пониманием индивидуального сознания и христианским.

В буддийских текстах и комментариях к ним постоянно встречаются знакомые нам понятия «души», «личности», «Я», но их идейное содержание прямо противоположно тому, что положено христианской философией. В буддизме, по словам Е. А. Торчинова «идея индивидуальной души заменена учением об эмпирической личности как потоке (сантана) психофизических состояний, сгруппированных в пять групп (скандх): материя, чувство, представления-понятия, формирующие факторы и сознание; при этом ни

² Юнг К.-Г. К психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994. – С. 10-11.

одна из групп не является базовой, и ни один из элементов - субстанцией."³ Таким образом, буддизм имеет в виду психическое Я, выражающееся в естественном, природном эгоцентризме, которое проявляется в чувственных желаниях, эгоистическом стремлении к удовольствиям и наслаждениям: идею не-души, необходимо познать себя как не-душе, что открывает путь к нирване, буддийскому аналогу мокши, как особому внеличному и неописываемому высшему типу существования, свободному от аффектов и заблуждений."⁴

То ради чего русский человек практикует буддизм – духовное спасение, уже даровано ему его многовековой христианской культурой, свидетельством чего и являются его духовоборство и богоискание, которые ниоткуда, просто так не берутся, а являются плодами (пусть далеко не всегда качественными) христианского воспитания, с его установками на самосовершенствование, поиск истины, жаждой освобождения от животности. Изживание психического «Я» - работа, которой озабочены и христианин и буддист, но берутся они за неё с разных концов.

Автор книги «Православная цивилизация» В. Тростников описывая контуры того типа человека, который сформировался под влиянием христианской религии, пишет, что этот «своеобразный культурно-исторический» тип человека присущ не только тем, кто сознательное исповедует православие, но тем, кто полагает себя либо вовсе не верующими, либо верующими во что-то иное». Тростников говорит о христианстве как «структуре сознания», которая «свойственна большинству русских людей независимо от личной религиозности или безрелигиозности», суть которой определяется «основным догматом в трех Лицах Боге и с отношением к первородному греху как центральному пункту всей антропологии».⁵

³ Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. - СПб "Азбука-классика", "Петербургское Востоковедение", 2007. – С. 260.

⁴ Там же. С. 261.

⁵Тростников В. Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. М.: Издательский дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004. – С. 177-178.

Что же будет происходить с сознанием, которое сформировалась под воздействием христианства, но при этом вменяющееся буддизмом? Возникает страшное противоречие, разрушающее духовное Я, и вместо того, чтобы выйти из под власти психического Я, сознание низвергается в бездну бессознательного, усиливая позиции психического Я. В результате человек становится ещё более эгоистичным, чем был прежде, и этот эгоизм принимает гипертрофированные формы.

В буддизме много внешне привлекательных моментов. Привлекательны они с точки зрения именно европейского индивидуалиста, которому импонирует, что тут нет сакрального сверхсущества, требующего смирения и подчинения. По словам Торчинова, отсутствие в буддизме идеи Бога как «всеблаготворца и Промыслителя» компенсируется законами кармы и причинно-зависимого происхождения, которые «с успехом заменяют собой Бога теистических религий, который в буддизме выглядел бы просто "архитектурным излишеством"». ⁶

Буддизм – это нетеистическая религия, и Будда – это не Личность, а высшее (нирваническое) состояние сознания, которое каждый может развить в себе путём усердной работы. Но работа это непростая и сопряжена со множеством рисков, поскольку проводится очень тонкая кропотливая перестройка психической конституции, где ошибки приводят к страшным последствиям. Поэтому столпом буддийского вероучения является фигура Учителя, наставника, ламы. И прежде чем, эта фигура наставника сформируется в сознании, человеку необходимо найти реального учителя. Интересно, что в буддизме взаимоотношения между учителем и учеником более тесные и зависимые, чем отношения пастыря и паствы в христианстве. Ученик буквально должен спать у ног учителя и не отходить от него. Но чтобы были такие учителя, должна быть образована прослойка тех, кто

⁶ Тростников В. Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. М.: Издательский дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004. – С. 314.

способен передать знание. В русской культуре буддийских учителей по определению нет, кроме тех автономных округов, где существует буддизм. В идеале, тот, кто принял буддизм, должен искать учителя, найти и жить подле него. Но русские буддисты наивно полагают, что знания восьмеричного пути достаточно для того, чтобы самостоятельно по нему пойти, и сами решают, что им следует практиковать. Как в художественной самодеятельности берутся ставить «Гамлета» или «Евгения Онегина», так и «русские буддисты» замахиваются, «ничтоже сумняшеся», без должного наставления на очень серьёзные практики, такие как «чот» (читается на кладбище), «ритрит» (уединения), или «пова» (практика сознательного умирания).

Какой вывод следует из всего вышесказанного? Нельзя исповедовать буддизм в его аутентичном виде. Носители этой религиозной традиции должны учитывать христианскую ценность индивидуального человеческого мышления, которым конституировано сознание человека, рождённого и воспитанного в такой культуре, где основой человеческого и человечности является инстанция Я, которой нет в сознании людей тех культур, где зародился буддизм. Буддизм, в особенности буддизм Махаяны не предназначен для носителей духовного Я, Я мыслящего, осознающего, рефлексизирующего. Буддизм обладает огромным опытом адаптации к различным языческим мирам юго-восточной Азии (Таиланд, Вьетнам, Китай, Корея, Япония), но опыта слияния с христианскими мирами у него, пока, недостаточно. В буддизме есть учение о восьмидесяти четырёх тысячах человеческих типов, под каждый из которых Будда Шакьямуни дал особое наставление к Просветлению. Но христианского типа человека, основой которого является «Я», но не психологическое, а духовное, личностное, по всей видимости, там нет.

С одной стороны, у буддизма есть очень сильное преимущество: он не требует от человека отречения от материального мира, поскольку материальность это аспект абсолюта, и чем больше человек осознает их

единство, тем ближе он к состоянию Будды. Это очень сильно отвечает гедонистическим наклонностям современного человека, которого пугает аскетическая идеология христианства, поэтому среди буддистов очень часто можно встретить тех, кто любит получать «удовольствие от жизни» и использует буддийскую риторику для оправдания своей тяги к наслаждениям. И другое преимущество буддизма в глазах современного европейца состоит в том, что идеалом буддийского сознания есть невидение различия между Абсолютом (т. е. Богом) и человеком, что сильно тешит самолюбие европейца, весьма тягостно воспринимающего христианское учение о существовании высшего и недостижимого авторитета по отношению к которому у человека может быть только одно правильное отношение - смирение и послушание.

Но как те, кто внимает этой риторике так и те, кто её использует, не подозревают, что неразличенность Абсолюта – мира – человека это лишь умозрительная надстройка над ещё более глубинным слоем буддийского мирозерцания, раскрытие которого может устроить и оттолкнуть тех, кто выказывал симпатии буддизму. В неразличении Абсолюта – мира – человека кроется мироощущение, что мир сам по себе хорош, а его недостатки, это «плёнка майи». Для любителей восточной мудрости, недостатки мира это – суть заблуждения ума. Пусть так, но сила религии, особенно той, которая становится «традиционной» в том, что как человек «верит», так и живёт по вере своей. Поэтому чтобы оценить достоинства и недостатки той или иной религиозной доктрины не нужно углубляться в глубокие метафизические рассуждения, которые по большому счёту имеют много общего между собой. По-настоящему различие между буддизмом и христианством явлено в формах организации коллективного существования. Возможно, что тот тип индивидуальности, который по определённым параметрам, можно классифицировать как личность, не является совершенным, но ведь именно такие человеческие типы создали то, что сегодня называется «христианский мир», «европейская

цивилизация». Несмотря на недостатки и даже пороки этого мира, которых нет в мирах буддийских культур, те, кто называет себя буддистами, не могут отказаться от гуманистических установок европейской культуры в виде абсолютной ценности человеческой жизни. Они не готовы жить без презумпции человечности, воплощенной в таких явлениях социальной жизни как образование, медицина, социальная защита, пенсии, регламентированный рабочий день, и т.д. Возможно, наше сакраментальное «Человек - это звучит гордо» для буддистов – «есть плод замутнённого аспекта Абсолютного Ума». Но «русские буддисты» не настолько сильны в том, чтобы выйти из круга этих установок, и поверить в абсолютную ничтожность человеческого «Я» (т. е. в собственную ничтожность).